

СООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕМЬЯХ, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ КРИЗИСЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена соотношению личной и семейной идентичности. На основании проведенного исследования дисбаланс личной и семейной идентичности предлагается рассматривать как одну из особенностей кризисного развития семьи. Рассматриваются два основных типа дисбаланса личной и семейной идентичности: слитность и противопоставление. В результате исследования предложены процедура диагностики соотношения личной и семейной идентичности и стратегия оказания психологической помощи семье и отдельному индивиду для преодоления дисбаланса выделенных видов идентичности.

Ключевые слова: личная идентичность, семейная идентичность, кризис семейного развития, слияние и противопоставление личной и семейной идентичности, я-нарратив.

The main topic of the article is correlation of personal and family identity. On the basis of conducted research misbalance of personal and family identity is considered as one of the peculiarities of crisis of the family development. The merging and opposition are considered as two basic kind of misbalance of personal and family identity. As result of research the observation scheme of diagnostic correlation of personal and family identity and strategy of psychology help rendering for suggested for family and person to overcome misbalance of personal and family identity.

Keywords: personal identity, family identity, crisis of the family development, the merging and opposition personal and family identity, self-narrativ.

Современное общество переживает период бурных социальных изменений, создающих большое количество неопределенных социальных ситуаций, которые предъявляют к человеку повышенные требования в плане его активности. Нестабильность обнаруживается не только на уровне общества, но и на уровне первичных групп, к каковым относятся и семья. Существует представление, что, будучи сложной сетью взаимоотношений, семья не является некой данностью, а воссоздается и пересоздается в каждый момент времени в определенной «работе чувств». Не случайно в анализе личности на смену идее адаптации человека к жесткой социальной структуре приходит идея конструирования человеком себя самого и своего социального мира. Исследователи утверждают, что одним из следствий ситуации изменчивости и неопределенности является множественность таких конструкций «Я» и социальных миров личности. Именно поэтому исследование процессов построения и функционирования идентичности человека в

современном мире приобретает все большее значение.

Понятие идентичности в психологии впервые было введено в рамках психоаналитического подхода. Как пишет Р. Берн со ссылкой на Э. Эриксона:

«Эго-идентичность – это возникающий на биологической основе продукт определенной культуры», который представляет собой «субъективное чувство непрерывной самоидентичности». Эго-идентичность – это определенные сочетания идентификаций и возможностей индивида, как они воспринимаются им на основе опыта взаимодействия с окружающим миром, а также знание, как на него реагируют другие [3]. Другими словами эго-идентичность или личная идентичность возникает и развивается в процессе взаимодействия человека с другими людьми. Как отмечает Е. П. Белинская [2], в настоящее время общепринятой является точка зрения, что «идентичность есть результат активного процесса, сопровождающегося появлением у человека ощущения собственной непрерывности, тождественно-

сти и определенности вследствие принадлежности к надындивидуальному целому». Современные исследователи говорят о наличии у человека двух основных мотивов, связанных с «Я»: мотива самоусиления, направляющего процесс реального взаимодействия с микросоциальным окружением в целях получения обратной связи и поддержки уже имеющихся представлений о себе, и мотива самопознания, направляющего внутреннюю активность субъекта и отражающего желание определенности в знании о себе [2]. Влияние актуальной социальной неопределенности на идентичность человека приводит к фатальным последствиям, выражающимся либо в потере им своего подлинного «Я», либо к формированию множественной идентичности. Несмотря на наличие высоких темпов изменчивости, на наш взгляд, одной из относительно более устойчивых целостностей, с которыми человек может соотнести себя, является семья. Взаимодействуя с другими членами семьи, человек не только определяет себя, но и стремится к самоусилению, позволяющему сохранить представление о себе.

Одной из социально-психологических особенностей семейного взаимодействия является развитие семейной идентичности, или чувства «Мы». Понятие семейной идентичности также было введено представителем психоанализа – Н. Аккерманом. Он определяет семейную идентичность как содержание и направленность ценностей, стремлений и ожиданий, тревог и проблем адаптации, разделяемых членами семьи или взаимодополняемых ими в процессе выполнения семейных ролей [1]. В. В. Столин, уточняя это понятие, пишет, что «семейная идентичность – это тот совместный “багаж” представлений, планов, взаимобязанностей, намерений, воспоминаний, которые характеризуют семейное «Мы» [5]. Формирование личной идентичности человека происходит в процессе его реального становления как члена семейной структуры на основе его идентификации с этим “Мы”».

Этот процесс, по мнению С. Минухина [4], зависит от того, насколько четко и ясно определены семейные границы между отдельными семейными подструктурами. Приобретая навыки семейной дифференциации, человек приобретает возможность определять и ограничивать свои «Я» и «Мы» идентичности: «Я – сын своих родителей»,

«Мы – дети», «Мы – семья». Так, например, отсутствие границ между ребенком и родителями приводит к тому, что у него не формируется собственное «я», происходит подмена личной идентичности идентичностью семейной. Привыкнув хотеть того, что для него хотят родители, он, вырастая взрослым, оказывается не в состоянии жить самостоятельно. В этом случае действительно можно говорить о потере своего подлинного «Я» и растворении человека во множественных меняющихся «Мы». Возможен и другой вариант: если интересы и желания ребенка – закон для его родителей, и, следовательно, они приносят в жертву собственную идентичность ради обеспечения наиболее благоприятных условий для развития идентичности ребенка, он остается неспособным к формированию отношений близости с другими людьми, основанной на понимании и учете интересов других. Другими словами, в этом случае происходит потеря не своего «Я», а ощущения своей принадлежности к «Мы». Как в том, так и в другом случае личная и семейная идентичность оказываются недифференцированными, подменяя одна другую. Наличие чрезмерно жестких границ между ребенком и его родителями также не является для него благоприятным, поскольку подобная ситуация затрудняет формирование семейной идентичности и впоследствии скажется на его неспособности соотносить собственные желания с интересами других людей. Более того, в этом случае формирование личной идентичности оказывается затрудненным, поскольку не находят реализации ни один из основных мотивов, связанных с «Я» (ни мотив самоусиления, поскольку для его реализации требуется взаимодействие с другими, ни мотив самопознания, поскольку для самопознания необходимо сопоставление себя с другими).

Как пишет Н. Аккерман: «В каждый определенный момент времени индивид несет в себе образ личностной идентичности и идентичности собственной семьи, причем оба они испытывают влияние представлений, сложившихся о вышеуказанных образах у других лиц» [1. С. 73]. Таким образом, процесс развития человека предполагает некоторый баланс личной и семейной идентичности.

Наше исследование семейной и личной идентичности проводилось в рамках оказа-

ния психологической помощи семье, имеющей проблемы. В исследовании приняли участие двадцать семей. Все взрослые участники исследования имеют высшее или среднее специальное образование. Их стаж семейной жизни колеблется в пределах от семи до двадцати лет. Все семьи переживают кризисы семейного развития, связанные с трудностями перехода на следующий этап жизненного цикла семьи.

С точки зрения постмодернистского видения этой проблемы можно сказать, что новые обстоятельства вносят неопределенность в жизнь семьи и отдельного человека и требуют конструирования новой социальной реальности. Личная и семейная идентичность являются элементами этой новой реальности. Источником и способом такого конструирования является взаимодействие членов семьи, в процессе которого порождаются истории конкретной семьи, а также нарративы каждого конкретного человека. Другими словами, наиболее заметные изменения и противоречия личной и семейной идентичности наблюдаются именно в эти периоды. Порождение семейных историй, а следовательно, и семейной идентичности не является результатом взаимодействия только тех, кто непосредственно участвует в семейном взаимодействии. Хотя это и не осознается членами семьи, они подвержены влиянию доминирующих культурных нарративов, идет ли речь о расширенной семье или обществе в целом. Культурные истории определяют форму индивидуальных жизненных нарративов. «Какой бы культуре мы не принадлежали, ее нарративы влияют на нас, побуждая приписывать определенные значения определенным жизненным событиям и относиться к другим, как к относительно незначительным» [6. С. 57].

Наша практика оказания психологической помощи кризисным семьям дает возможность утверждать, что в большинстве случаев обращения за помощью мы сталкиваемся с проблемой дисбаланса личной и семейной идентичности.

Осознавая себя частью семьи, ее члены зачастую перестают выделять себя как отдельного человека, растворяясь в семейном «Мы». В процессе консультирования легко можно заметить, как в подобном случае человек, сообщая о своих желаниях или потребностях, говорит: «Мы собираемся...» или «У нас есть желание...». В то время как

для каждого конкретного человека важно разделять личные желания и желания других, то есть сформировать не только семейную, но и личную идентичность. Другими словами, каждый должен осознавать, где заканчивается «мы» и начинается «я». Наиболее ярко эта проблема проявляется в периоды изменений в жизни семьи – заключения брака, рождения ребенка, поступления ребенка в детский сад или школу, отделения детей от родителей.

Одной из особенностей участников нашего исследования является слитность личной и семейной идентичности, при которой человек полностью отождествляет себя со своей семьей, приписывая себе убеждения, мнения, желания, характеризующие семейную общность, что предполагает отказ от личной идентичности. Подмена личной идентичности семейной приводит к тому, что такой человек теряет смысл собственного существования при увеличении дистанции между членами семьи, а тем более при нарушении семейной целостности в ситуации развода или отделения одного из членов семьи. Кроме того, можно наблюдать второй вариант слитности личной и семейной идентичности, при котором происходит подмена семейной идентичности личной. При этом семья воспринимается как часть «Я», а ценности, убеждения и ожидания других членов семьи заменяются на свои собственные. В этом случае допустить возможность отделения кого-то из членов семьи также невозможно, поскольку это затрагивает интересы собственного «Я».

На другом полюсе находится такой вариант дисбаланса личной и семейной идентичности, при котором существует жесткое противопоставление личной и семейной идентичности по принципу «Я» и «Они» вместо «Я» и «Мы». Как нетрудно заметить в этом случае семейная идентичность как таковая является фрагментарной, а для человека, противопоставляющего себя другим членам семьи, несформированной, личная же идентичность в лучшем случае формируется благодаря внесемейным взаимодействиям.

Проблема заключается в том, что формирование как личной, так и семейной идентичности, как было сказано выше, происходит не только в процессе взаимодействия членов семьи, но и при взаимодействии в более широком социальном контексте.

При этом, поскольку члены семьи не находятся постоянно вместе, влияние культурного контекста на разных членов семьи может оказаться противоречивым и приводить к расхождениям в нарративах разных членов семьи. Например, доминирующей культурной нормой по отношению к мужчинам является наличие у мужчины не только семейных, но и личных интересов, вплоть до интересов, противоречащих семейным. В то время как по отношению к женщинам наличие подобных интересов считается недопустимым. В личной и семейной идентичности мужа и жены или родителя и ребенка в этом случае могут возникать несовместимые представления и ожидания.

Проследить соотношение личной и семейной идентичности конкретного человека позволяет его повествование о себе. В практике семейного консультирования можно отметить два основных типа проблемных я-нарративов. Первый относится к повествованию о себе исключительно в терминах семейного «мы». Человек, повествуя о себе таким образом, как правило, идентифицирует себя с семьей, говорит о том, что не представляет себе жизни вне семьи, что все его желания определяются благополучием близких. Неудачи или негативная оценка со стороны окружения кого-то из членов семьи воспринимаются им как личное оскорбление, а наличие у других членов семьи интересов, выходящих за рамки семейных, вызывает непонимание и бурный протест. На втором полюсе можно обнаружить человека, воспринимающего себя исключительно как самоценного. Его рассказ о себе обычно исключает описание близких либо они служат фоном для того, чтобы продемонстрировать себя. Проблема человека, имеющего я-нарратив первого типа,

обычно состоит в неспособности отделиться от семьи и позволить отделение другим членам семьи. Проблема человека, имеющего я-нарратив второго типа, – неспособность построить близкие отношения.

В практике психологического консультирования, таким образом, приходится решать задачи двух типов: формирование семейной идентичности через поиск общности в повествованиях членов семьи и переименование проблемы с языка отдельного человека на язык общих семейных ожиданий и целей. И с другой стороны – развитие личной идентичности, помогающей отделить собственные интересы и желания от интересов и желаний семьи.

Список литературы

1. Аккерман Н. Теория семейной динамики // Семейная психотерапия / Сост. Э. Г. Эйдемиллер, Н. В. Александрова, В. Юстицкис. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
2. Белинская Е. П. Исследование личности: традиции и перспективы // Социальная психология в современном мире / Т. Л. Алавидзе, Г. М. Андреева, Е. В. Антонюк и др.; под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 42–56.
3. Берн Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 421 с.
4. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии. М.: Смысл, 1999.
5. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд. Моск. гос. ун-та, 1983. 284 с.
6. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 368 с.

Материал поступил в редколлегию 18.11.2007